

Николай Алексеевич Некрасов

Три страны света

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Николай Алексеевич Некрасов

Три страны света / Николай Алексеевич Некрасов – М.: Книга по Требованию, 2011. – 562 с.

ISBN 978-5-458-04081-5

Роман "Три страны света" написан Н.А.Некрасовым совместно с А.Я.Панаевой. Сюжетную канву произведения образуют странствования по России - от Новой Земли до Каспия, от Новгородской губернии до русских владений в Америке - молодого дворянина Каютина, обратившегося к промышленной деятельности.

Написанный живо и увлекательно, этот остросюжетный роман будет интересен и современному читателю.

ISBN 978-5-458-04081-5

© Издание на русском языке, оформление, « YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, « Книга по Требованию», 2011

Николай Алексеевич Некрасов,
Авдотья Яковлевна Панаева
Три страны света

ПРОЛОГ

В глухом и далеком углу обширной русской земли, в небольшом уездном городе, за несколько десятков лет до начала нашей истории, на углу улицы, кончавшейся полем, стоял небольшой скривившийся деревянный дом. Он принадлежал городской повивальной бабке Авдотье Петровне Р***. Авдотья Петровна была женщина редкая; по должности своей она знала семейные тайны многих лиц города: кажется, довольно, чтобы и весь город знал их? Но Авдотья Петровна упорно молчала. Многие дамы оставили ее именно за это достоинство, которое считали важным недостатком.

– Какая дура эта Авдотья Петровна! лежишь, а она хоть бы слово интересное сказала... даже знаешь какую-нибудь историю, а так только нарочно спросишь: "правда ли, что жена Днищева свела шашни с Долбишиным?" запирается! я, говорит, не знаю!

Так жаловалась слабая супруга своему мужу после благополучного разрешения.

– Что же делать? – спрашивал супруг.

– Что делать? вот я ей откажу; она у меня последнего принимает!.. Возьму Веру Антоновну.

– Далеко посылать, да и обидишь Авдотью Петровну.

– Вот хорошо! – вскричала больная: – да она может уморить с тоски!

– Ну, хорошо, возьми Веру Антоновну, – говорил испуганный супруг.

Вера Антоновна была бабушкой другого, ближайшего уездного города. Она пользовалась обширной известностью, которой много способствовал лекарь того города, первый друг и приятель Веры Антоновны.

Вера Антоновна могла даже мертвого поднять своей болтовней, не только занять больную. Она знала все и всех. Обширное знакомство доставляло ей неисчерпаемый источник для толков и пересудов. Никто при ней не смел заикнуться о годах кого-нибудь.

– Как это можно, помилуйте! Анне Сидоровне теперь под сорок: она только на лицо моложава. Я у ней принимала первого; а Ванюшка ровесник Соне Подгорной... Вот, я вам скажу, будет богатая невеста и старше только двумя месяцами Оли исправниковой... Как теперь помню, такая была жара; я ехала от Анны Сидоровны к исправнику... Какая она у него стала: так и тает, так и тает, точно свеча, чуть жива. Вот уж осьмого недавно бог дал: трудно, очень трудно родит. Сам-то исправник, знаете, не любит дома сидеть: разные шашни у него...

– Неужели, Вера Антоновна, с казначейшей? – спрашивали таинственно любознательные дамы.

– Какое с казначейшей? старо с казначейшей!

– С кем же? с кем же?

Глаза вопросительниц сверкали нетерпеливым блеском.

– С Марьей Ивановной! – произносила Вера Антоновна и протяжно и торжественно глядела на всех.

– Ах!.. неужели?.. Боже ты мой!..

И восклицаниям и вопросам не было конца. Вера Антоновна как река лилась, после длинного монолога требовала пить и выпивала залпом графин кваса.

Фигура ее была так обширна, что нужно было дарить ей на два платья, чтоб вышло одно. Прихотям Веры Антоновны не было конца. В доме, где случалось ей принимать, она вмешивалась решительно во все: "Зачем люди долго спят? зачем повар дурной квас сделал? зачем мало работают в девичьей? У исправника-то люди с петухами встают, а у вас, Агафья Артемьевна, вместе с барами: право, таких людей даже и у городничихи нет, а что она уж за барыня!.."

Вера Антоновна заботилась очень о своем здоровье; несмотря на страшную полноту, она считала себя худенькою, и если ей говорили: "а вы, кажется, поправились, Вера Антоновна", – она крестилась" и плевала, боясь глазу. – Что это вы, как можно! – возражала она, – да мне платья стали широки!

Аппетит у ней превышал всякое вероятие. Ела она почти каждую минуту и все находила, что отошала, – после ужина, на сон грядущий, съедала ежедневно десяток яиц, сваренных вкрутую. Она их очень любила, но спала от них беспокойно и со страху поднимала на ноги среди ночи весь дом. Ей все чудились воры, готовые ограбить ее; а надобно знать, что она все свои деньги, золотые вещи и ломбардные билеты возила с собою в тайном подвязном кармане, которого не снимала даже и на ночь. К довершению всего Вера Антоновна не разлучалась ни на минуту с двумя собачонками, гадкими и паршивыми, которых звала очень прозаически: Сашка и Дунька. Имя последней, как поговаривали в городе, было дано в пику Авдотье Петровне.

Мало-помалу вся аристократия уездного города оставила Авдотью Петровну; она призывалась только в неожиданных и роковых случаях. И тогда разносился слух по городу: "Слышали вы, какое несчастье случилось? за Авдотьей Петровной должны были послать! Но, слава богу, Вера Антоновна на другой же день приехала!"

Если Авдотье Петровне и случалось до конца пробить у какой-нибудь важной дамы, то крестин не справляли и давали нелюбимой бабушке самую ничтожную плату.

Вот почему дом Авдотьи Петровны видимо разрушался: не было средств поправить его. Внутренность дома соответствовала наружности: низенькие, небольшие комнаты, с покосившимися потолками и полами, бедно меблированные, производили болезненное и грустное впечатление.

Ставни старого домика были закрыты. В комнате, мрачно освещенной, лежала женщина, довольно красивая, но страшно худая и бледная. Авдотья Петровна, в углу, мыла новорожденного, поминутно оглядываясь на большую. Проворно вымыв ребенка и запеленав его, она подошла к кровати и тихо сказала:

– Поздравляю вас с сыном.

Мать открыла глаза и с испугом оглядела комнату. Увидав Авдотью Петровну с ребенком, она болезненно вскрикнула, дрожащими руками схватила дитя и пристально взглянула ему в личико, потом распеленала его и радостно прошептала:

– Боже, ты услышал мою молитву!

И она начала осыпать своего сына поцелуями.

– Тише, осторожнее! вам вредно волнение, – говорила Авдотья Петровна, любуясь радостью матери.

– О, дайте мне на него насмотреться!.. Он не похож на своего отца!..

– И мать снова целовала сына.

– Успокойтесь! вы еще очень слабы; будет время налюбоваться! – говорила расстроганная Авдотья Петровна.

Но мать сильно вздрогнула и дико закричала, прижимая сына к своей груди:

– Нет! он его не увидит! Пусть он лучше никогда не знает своего отца и своей матери!

– Что вы? как можно!

И Авдотья Петровна невольно схватила ребенка из слабых рук матери.

– Куда вы хотите его нести! – воскликнула мать. – О, ради бога, спрячьте его!

Она вскочила с постели, упала на колени перед Авдотьей Петровной и раздирающим голосом повторила:

– Спрячьте его! спасите его!.. он злодей, он убьет ребенка. Я готова умереть, только бы он не знал и не видал его. Спасите, спасите!..

Несчастливая женщина с страшными криками упала на пол, и стоны наполнили комнату. Потом она вдруг смолкла и, лежа на полу с закрытыми глазами, тяжело дышала и вздрагивала. Авдотья Петровна плакала. Поцеловав ребенка, она бережно положила его на кровать, стала на колени возле матери и начала успокаивать ее:

– Хорошо, я все сделаю. Я знаю его: он способен на все. Но не убивайте себя, опомнитесь!

Тихо приподнялась мать, схватила руку Авдотьи Петровны и с жаром поцеловала ее.

– Ах, что вы? как можно!

И Авдотья Петровна покраснела; слезы потекли у ней по лицу. Мать сказала:

– Вы добры! вы знаете мое положение... Сжальтесь над бедным ребенком, сжальтесь надо мной... Видит бог я чиста: но его подозрения...

– Что же мне делать? чего хотите вы? – спросила Авдотья Петровна.

– Чего я хочу? – дико спросила мать. – Чтобы он не знал своего сына, которого он будет так же мучить, как мучил его мать. Чудовище злое и подозрительное, он... О, вы его не знаете!

– Говорят, он просто злодей, – невольно сказала Авдотья Петровна.

– А, вы теперь сами говорите, что он злодей? – воскликнула радостно мать. – Как же можно ему показать сына, когда еще до рождения несчастному ребенку готовились угрозы и страдания? Нет, нет! Вы поможете мне скрыть моего сына! вы сжалитесь над умирающей женщиной, которая вас будет благословлять как спасительницу ее ребенка!

– Если бы можно было, я рада бы помочь вам.

– О, время и возможность есть, только захотите. Я скрывала время своей беременности, и вы можете сказать, что я выкинула.

– Что же делать с ребенком? куда его девать?

– Да, вы правы: он всюду отыщет его, он украдет его у меня и скажет, что я виновата!

– У нас здесь в городе почти никого нет, кому бы подкинуть: житье ему будет плохое.

С минуту длилось молчание.

– Боже! благодарю тебя!.. – воскликнула вдруг больная и, скрестив руки, стала на колени и усердно молилась.

Окончив молитву, она твердым голосом сказала:

– Дайте скорее бумагу и перо.

Все было подано. Дрожа всем телом, Авдотья Петровна подвела больную к столу. Окончив письмо, больная подала его Авдотье Петровне.

– Прочтите: так ли я написала? голова моя горит; я не могу ничего обдумать, я худо вижу...

– Хорошо, – сказала Авдотья Петровна, – да к кому же?

– Вот и адрес к будущему отцу моего сына, – перебила больная.

Авдотья Петровна, прочитав адрес, радостно вскрикнула:

– О, ваш ребенок будет счастлив! Вы поручаете его судьбу самому доброму, благородному – и богатому человеку, какого только я знаю...

– Не правда ли? я могу умереть спокойно... Да, я умру, – тихо прибавила больная, приложив руку к своей голове: – посмотрите, как она горит: я вся горю... мне душно!

Больная начала метаться.

– Лягте, ради бога, лягте!

– Зачем мне беречь себя? чтоб снова терпеть горе и унижение? Зачем я буду жить, когда я бросаю своего ребенка? Нет, я не брошу его, не отдам... я не могу его отдать... Пусть он страдает вместе с своей матерью и пусть в страданиях узнает своего отца... Господи! за что я так несчастна?

И больная зарыдала.

– Полноте, не огорчайтесь! Вы можете расхвораться и наделаете мне хлопот, – сказала Авдотья Петровна, стараясь скрыть свои слезы,

– Простите, я виновата; но войдите в мое положение: я мать; понимаете ли вы, что значит быть матерью?

– Даже очень хорошо понимаю, – с живостью отвечала Авдотья Петровна, – и знаю, что ничего не может быть ужаснее разлуки с своим ребенком.

– А! вы тоже испытали такое несчастье? – спросила больная, и в голосе ее звучало удовольствие, будто радовалась она, что есть и еще женщины, разлученные с детьми.

– Кто же может сказать, что он не страдал? – отвечала Авдотья Петровна, покачав головой.

– А он? он никогда не страдал! иначе мог ли бы он так хладнокровно мучить других? Голос страдания достиг бы его ушей. Но он не знает, он не понимает его!

У Авдотьи Петровны недостало философии, чтоб продолжать такой разговор, и она спросила:

– А вы думаете теперь вашего сына отвезти?

Больная вскочила и кинулась к ребенку. Взяв его на руки, она дико закричала:

– Так рано? нет, я не отдам его, не отдам!

И она с жаром начала целовать ребенка.

– Хуже будет, если услышат плач; он может приехать за вами, ему донесут. Дайте мне его.

– Боже, боже! – простонала мать и, прильнув к сыну горячим лицом, обливала его слезами.

Авдотья Петровна взяла небольшую корзину; положив туда подушку и толстый шерстяной платок, она сделала люльку и робко сказала:

– Пора: благословите своего сына!

Мать крепко прижала ребенка к груди и отвечала жалобным голосом:

– Подождите! дайте мне на него посмотреть, дайте нацеловаться! Кто тебе заменит мать? – продолжала она, обращаясь к ребенку. – О, ты простишь ее? она несчастна, она умрет?

И мать положила своего сына на кровать и тихо опустилась перед ним на колени, будто прося у него прощения.

– Может быть, ты будешь счастливее в чужих руках, – говорила она, – я чувствую, что скоро умру, так не знай лучше никогда ни отца, ни матери! Пусть вечно охраняет тебя мое благословение (она перекрестила ребенка). Пускай достанутся тебе все радости, которых не знала твоя мать!

Голос ее все более слабел; утомленная ее голова упала на кровать. Авдотья Петровна тихо рыдала в углу. Услышав ее рыдание, больная приподняла свою отяжелевшую голову, бледными губами прильнула к теплomu личику своего сына и потрясающим голосом сказала:

– Возьмите! возьмите его скорее, или я его не отдам!

И снова голова ее упала на кровать.

Авдотья Петровна положила ребенка в корзину и, перекрестясь, пошла к двери.

Больная приподнялась, она дико следила за движениями Авдотьи Петровны, пока та укладывала ребенка, и когда она пошла к двери, бедная мать стремительно кинулась к ней.

– А, ты украла моего ребенка?.. Помогите, помогите!

И несчастная с безумными криками вырывала корзину.

– Что вы? Бог с вами! не кричите: на улице услышат! – дрожащим голосом говорила Авдотья Петровна.

Но больная ничего не хотела слышать: глаза ее блестели страшным огнем. Она дико смотрела на Авдотью Петровну и повторяла отчаянно:

– Отдайте моего ребенка, отдайте!

– Возьмите! вы, кажется, забыли, каков его отец? – с упреком сказала Авдотья Петровна.

Мать вскрикнула. Отскочив от корзины, которую ей предлагала Авдотья Петровна, она прошептала испуганным голосом:

– Спрячьте, спрячьте его. Слышите, он идет, он его возьмет! Я погибла!.. О спасите же, спрячьте меня!

И несчастная бегала по комнате и пряталась.

Авдотья Петровна скользнула в дверь и заперла ее на замок.

Мать с диким криком кинулась к двери; она ломала ее и кричала:

– Отворите! моего ребенка украли! спасите!

Стук удалявшихся дрожек остановил вопли почти обезумевшей женщины; она вся затряслась и, когда стук дрожек замер, отчаянно вскрикнула: – Уехал! – и упала без чувств у дверей...

В одном большом селе, широко раскинувшись на невысоком холме, стоял огромный барский дом с дремучим садом. Длинные службы в несколько рядов, как крепостные стены, тянулись за домом. В августе месяце, вечером, часов в девять, луна бросала печальный свет на темный сад и черную массу дома, на стене которого фантастически рисовались громадные деревья. Обильная роса покрывала влажную траву; блеск луны, отражаясь всюду, играл на листьях деревьев, которые таинственно перешептывались в пустынном саду, и менял рисунки

на стене, как кабалистические знаки в каком-нибудь волшебном замке. Медленно, лениво катилась луна, окруженная легким паром, по прозрачному далекому небу.

Прямо светила она в мрачные, запотевшие окна, осеребряя их и еще резче выказывая массивную и старинную архитектуру дома. Отдаленный лай собак изредка нарушал тишину; эхо звонко раздавалось и медленно замирало в чистом воздухе.

За кустами сирени и жимолости едва виднелся слабый свет, выходящий из окна небольшой комнаты, убранной очень просто; по мебелировке нельзя было определить ее назначения.

На широком диване лежал мужчина лет тридцати пяти, крепко сложенный, с благородным и привлекательным лицом; но в его взгляде, во всех его движениях выражалась бесконечная апатия. В руках держал, он книгу, которая, казалось, тяготила его. Выкуренная трубка с огромным янтарем была у него в зубах. На столе, возле дивана, лежало несколько книг и стоял низенький подсвечник с зеленым колпаком, бросавший яркий свет на нежные руки и чистое белье полусонного мужчины, но оставлявший в тени его лицо. На полу возле дивана спала большая лягавая собака. Вероятно, тревожили ее неприятные сны: она по временам визжала и вздрагивала; тогда мужчина, лежавший на диване, кричал: – Фингал! – Собака приподнимала голову и сонно-красными глазами смотрела на своего господина, готовая приветствовать его ласковым виляньем хвоста. Но, не получая ни ласки, ни приказа, ни указания, не удостоенная даже его взгляда, она опускала голову и хвост, тяжело вздыхала и снова своим храпом нарушала тишину.

Несколько ружей торчало в разных углах комнаты, посреди которой стоял токарный станок, окруженный опилками, свидетельствовавшими о недавней работе. Микроскоп, разобранный, лежал на столе у окна. Все доказывало, что обладатель этой комнаты старался развлекать себя. Но как бы утомясь или соблазненный сладким сном своего Фингала, он уже не перевертывал листов, рука крепко еще держала книгу, но скатилась, – трубка оставалась около губ. Ровное и мерное дыхание вылетало из его широкой груди; тихо колебалась на груди тонкая, слегка накрахмаленная рубашка.

Так прошло несколько минут. Дверь тихонько раскрылась, и мальчик лет четырнадцати проворно, но тихо вошел в комнату, с серебряным подносом, на котором стоял стакан с чаем.

Подойдя к дивану, он в недоумении остановился, глядя на спящего барина. Собака при первом шорохе открыла глаза, но тотчас снова спокойно закрыла их. Убедясь, что барин не может заметить его присутствия, мальчик сказал: "Чай готов-с!" Мерное и ровное дыхание не прерывалось. С отчаянием глядел мальчик то на спящего барина, то на стакан. Мимо его носа вдруг порхнула бабочка и стала кружиться около Огня. Мальчик лукаво следил за ее полетом и радостно улыбнулся, когда она, коснувшись свечи, вдруг села на стол, тоскливо забила крыльшками, прильнула к столу головкой и в изнеможении упала, – потом, будто очнувшись, отчаянно забилась, осыпая стол белой пылью.

Мальчик с наслаждением упивался мучениями бабочки и каждый раз, как она переставала биться, трогал ее пальцем, и бабочка снова кружилась и вертелась страшно. Тихо скатившаяся из ослабшей руки барина книга прекратила мучения бабочки и потеху мальчика; он повторил: "Чай готов-с!"; ответа не было.

Мальчик вышел и через несколько минут возвратился с новым стаканом чаю, из которого валил пар. Та же история повторилась; мальчик уже начинал приходить в отчаяние, когда вдруг скрипнула дверь: высунулось женское лицо в чепчике с длинной фалбалой и жалобно прошептало: "Петрушка!.." Мальчик повернулся к двери и отрицательно мотал головой. Выставилась рука и манила его к себе.

– Что вам? – спросил он.

– Поди сюда! скорее! – задыхаясь, шептала женщина.

Мальчик показал головой на барина и на поднос и прибавил:

– Видите, не могу!

– Петрушка! что ж ты? я тебе говорю, скорее! – сердито воскликнула женщина, забыв всякую осторожность, и вошла в комнату.

Ей было лет под шестьдесят, но она была еще бодра; приятное лицо ее выражало сильную тревогу. Огромная увязка ключей, висевшая на чистом, белом переднике, обозначала ее должность.

Мальчик, недовольный появлением ключницы, сказал:

– Что это вы? не видите, барин спит!

– Вижу, дурак! ты что не идешь, когда зовут? – шепотом возразила ключница.

– Как же я брошу чай?

– Когда велют, мужик ты, так иди!

Она с досадой выхватила у него поднос. Ложечка со звоном упала на пол. Собака заворчала и открыла глаза – в одно время с барином.

Барин потянулся, осмотрел комнату и остановил глаза на ключнице, которая, остолбенев от испугу, стояла неподвижно, с искаженным лицом.

Мальчик улыбался так же радостно, как несколько минут назад, когда бабочка обожгла крылья.

– Что вам нужно? – спросил барин с изумлением, которое ясно доказывало редкое появление ключницы в его комнате.

В ответ, задыхаясь от волнения, ключница произнесла: – Ах, сударь! – и лицо ее приняло такое отчаянное выражение, что встревоженный барин встал и быстро спросил:

– Что такое? не пожар ли? не ушибся ли кто?

– Ах, какое несчастье!

– Да что такое случилось? – с сердцем спросил барин.

– Извольте встать и выйти в сени. Ах, боже ты мой, боже ты мой!

– Как вы надоели с вашими восклицаниями!

И барин скорыми шагами пошел к двери; собака последовала за ним, потягиваясь и зевая; мальчик и ключница заключили шествие.

– Посвети! сюда пожалуйста! – говорила болезненным голосом ключница.

Мальчик взял свечу и пошел вперед. В темных сенях, в углу, стояла хорошо закутанная корзина, и тихий плач раздавался из нее.

– Что это? – спросил барин.

– Ах, кажись, ребенок! Боже, какой грех! какой грех!

– Как попал он сюда?

– Вот извольте видеть: я разливаю чай и слышу какой-то странный писк; думаю: верно, кошка забралась и мяукает. Отпустив чаю вашей милости, я думаю, дай пойду выгоню – кошку; вышла в сени да и говорю: брысь, проклятая! не идет; я отворила дверь – глядь: корзина; думаю: на что тут корзину поставили?

– Сейчас, что ли, вы услышали плач?
– Только вот чай вашей милости отпустила, да и думаю: выгоню проклятую кошку, ан глядь – корзина! я и думаю: верно, с угольями кто занес!

– А не видели ли вы в окно кого-нибудь?.. Ведь вы сидели у окна? – спросил барин.

– Когда я шла сюда, в сенях никого не было. А бог их знает, может и видела, как прошел кто, да думала свои...

Между тем любопытная собака обнюхивала корзину.

– Тубо {Спокойно. (Ред.)} Фингал! – закричал барин на собаку и, обратясь к ключнице, приказал внести корзину в комнату.

Незаметно и тихо в двери сеней и в окна глядела сотня глаз; бегодня была страшная на дворе. Лакеи один за другим появлялись в комнату. Корзину развязали: в ней лежал только что родившийся ребенок, весь красный и сморщенный... Он вертел головкой и искал губами грудь, жалобно пища.

– Ах, владыко! какой здоровый ребенок! – в восторге вскрикнула ключница, вынув его из корзины.

При этом движении письмо упало на пол.

– Что это? письмо?

И барин указал головою на бумагу.

Множество рук протянулось; одна из них, огромного размера, подняла письмо и подала его барину; барин прочитал вслух:

"Всем, что для вас есть святого, заклинаю вас, призрите сироту. Он законно-рожденный; но страшные обстоятельства заставляют мать просить вас заменить этому несчастному ребенку родителей. Я уверена, что он будет счастлив, если вы не отвергнете его. Об этом умоляет вас умирающая мать...

179*, августа 17".

Ключница внимательно слушала чтение, укачивая ребенка; она положила ему в ротик свой палец, и ребенок с жадностью сосал его. Окончив чтение, барин печально посмотрел на ребенка и сказал:

– Бедный, – что я буду с тобой делать?

– Призрите сироту! вам бог пошлет на его долю! – прослезясь, сказала ключница.

– Хорошо, хорошо... разумеется, не кину его.

– Посмотрите, какой славный мальчик! Есть хочет! – радостно сказала ключница, любясь, как ребенок тормошил ее палец.

– Взять кормилицу, – сказал барин.

– А на рожке?.. право, я его славно выкормлю на рожке.

– Нет, что за вздор! Нет ли кого с грудным ребенком во дворе? пусть кормит двух.

– Матрену... у ней муж на днях умер, одна, как перст, с ребенком, плачет, сердечная! Вот ее и возьмем.

– Ну, пусть кормит... А если нет своих, так из чужой деревни нанять.

– Господи! как можно! – с испугом возразила ключница. – Да у нас, право, так много родят в дворне, что...

– Хорошо, – перебил ее барин, – распорядитесь поскорее; отдаю ребенка на ваши руки: смотрите за ним хорошенько, как за моим сыном.

Дворовые люди переглянулись; ключница обиделась.